

ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ «ИНДИАНИЗАЦИИ» ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ*

Взаимовлияние и взаимодействие культур занимают место на страницах исторических сочинений со времён Геродота. Индийская культура повлияла на соседний регион – Юго-Восточную Азию (далее – ЮВА)¹ – столь значительно, что это вызвало к жизни целую научную полемику о природе, размахе и причинах такого влияния. В литературе этот процесс получил название индианизации, хотя в последнее время это слово чаще воспринимается не как обозначение действительного процесса, а как имя теории, призванной объяснить многообразие существующих свидетельств заимствований. В настоящей статье делается попытка изложить различные точки зрения на индианизацию и выявить сильные и слабые стороны предложенных гипотез.

Существует несколько основных теорий индианизации. В конце XIX – первой половине XX в. была распространена идея прямой экспансии индийцев в ЮВА и основания там многочисленных колоний мирным и/или военным путём. Её сторонниками были индийские учёные Р.Ч. Маджумдар, Б.Р. Чаттерджи и К.А. Нилаканта Шастри². Отечественные исследователи, как правило, в 1950-х – 1970-х гг. разделяли эти идеи³. Значительную долю респектабельности теория индийской колонизации получила благодаря поддержке со стороны крупнейшего историка Жоржа Сёдеса, посвятившего много времени её уточнению⁴. В настоящее время эту теорию никто всерьёз не разделяет, хотя само присутствие индийцев, например ремесленников и/или брахманов, в ЮВА признаётся⁵.

Возникновение теории индийской колонизации ЮВА, как её можно для удобства обозначить, объясняется, по-видимому, следующими обстоятельствами. Во-первых, европейским опытом колониализма, при котором капиталистические государства Запада (в первую очередь Европы) установили политический и/или культурный контроль над зависимыми странами Азии и Латинской Америки, где стали распространяться новые общественно-политические, экономические и культурные

* Работа выполнена в рамках проекта РГНФ «Формирование цивилизационной общности и современного регионализма в Юго-Восточной Азии», № проекта 07-01-00081а.

Я приношу глубокую благодарность А.Е. Кириченко, К.Ю. Леонову, В.А. Тюрину и М.Ю. Ульянову, чьи критические замечания способствовали существенному улучшению рукописи.

отношения, происходящие из метрополий⁶. Во-вторых, ростом индийского национализма, явления во многом обусловленного воздействием английской системы управления и образования в Индии. Индийские интеллектуалы конструировали образ «великой Индии», страны со славным прошлым и богатейшей культурой, одним из аспектов которой стала роль просветителя окружающих отсталых культур, которые могли рассматриваться как колонизованные индийцами, подобно тому как сама Индия стала «жемчужиной Британской короны»⁷. В-третьих, господствующими в западных научных кругах концепциями однолинейного эволюционизма и диффузионизма (это не означает, разумеется, полного единства во взглядах на конкретные стадии общественного развития, его движущие силы, характеристику отдельных обществ и т.п.)⁸. Наконец, развитием позитивистской методологии с её девизом «давайте собирать факты» и накоплением множества эмпирических сведений о самых разных сообществах, которые требовали минимального упорядочения (классификации) и объяснения выявляемых сходств и различий⁹. Бросающееся в глаза сходство религиозных верований, письменности, архитектуры, скульптуры, воздействие санскрита на многие языки ЮВА вкуче с отсутствием собственных кадров историков в этом регионе и колониальным подчинением Западу (с формальной независимостью Сиам) способствовало оформлению концепции индийской колонизации, способной объяснить эмпирически наблюдаемые явления, полностью укладываясь в диффузионизм и не очень портя однолинейный эволюционизм: современный Восток в теории лежал вне истории, лишь «классический Восток», т.е. Египет и Ближний Восток до Греко-персидских войн, удостоился такой чести¹⁰.

Теории индийской колонизации противостоит другое направление в историографии, исходящее из тезиса об активной роли местного населения в заимствовании индийской культуры (под культурой я понимаю «общественно значимый опыт», таким образом, это понятие охватывает и материальные предметы, и духовный мир, и способы взаимодействия людей с предметами и друг с другом по поводу этих предметов). Ж. Сёдес в ряде своих работ подчёркивал местную инициативу в выборе индийской культуры¹¹. Я.К. ван Лёр утверждал, что именно правящие верхи местных жителей были главной движущей силой индианизации¹². Это направление едва ли образует единую школу, так как сильно различается во взглядах на конкретные способы заимствования. Оно получило особое распространение после Второй мировой войны и обретения странами ЮВА политической независимости. На научные дискуссии влияло формирование самостоятельных национальных идеологий, отстаивающих исконную самобытность ЮВА и не признававших существенного вклада иных обществ в собственную культуру региона¹³.

Представления о способах проникновения элементов индийской культуры в ЮВА различались ещё до отказа от теории индийской колонизации. Ещё в 1926 г. Н. Кром исходил из того, что жители ЮВА (он писал об обитателях Явы) познакомились с индийской культурой благодаря торговле¹⁴. Я.К. ван Лёр полагал, что торговцы едва ли могут быть теми образованными людьми, которые передали высокую санскритскую культуру населению ЮВА¹⁵. На это Й. Маббет возразил, что нет никаких оснований думать, будто торговец есть некий заранее заданный тип характера и поведения, полностью исключаящий владение брахманской премудростью – напротив, более вероятно соединение в одном и том же человеке качеств воина, торговца, а порою и жреца¹⁶. В пользу этого свидетельствует само обращение индийской литературы шастр и сутр к теме дозволенных брахманам и кшатриям занятий, помимо жречества и военного дела соответственно: по-видимому, нарушения варновых предписаний встречались довольно часто. Следует добавить, что буддизм, тоже проникавший в ЮВА, вообще не может быть привязан к варново-кастовой системе традиционного индийского общества: для его распространения нужны проповедники и община-*сангха*, а не кшатрии, вайшьи, шудры или брахманы, о которых постоянно писали классические авторы.

Отечественная историография давно пришла к выводу о том, что если в ЮВА индийцы и переселялись, то это были представители самых разных общественных групп, и не следует искать одну-единственную варну или касту, ответственную за индианизацию. О монахах, проповедниках, торговцах и правителях, бежавших из-за междоусобиц в Индии, и просто искателях приключений писали В.А. Тюрин, Н.Н. Чебоксаров, М.Г. Козлова и Л.А. Седов¹⁷. Г.Г. Стратанович полагал, что среди переселенцев преобладал простой люд: крестьяне, рыбаки, ремесленники, но встречались и священнослужители, воины и купцы¹⁸.

Особое место в отечественной историографии занимают труды Ю.В. Маретина. Принимая тезис Я.К. ван Лёра о ведущей роли внутренних факторов в развитии индонезийских обществ и отказавшись связывать переход от родового к классовому строю с индийской колонизацией, советский этнограф объяснил заимствование элементов индийской культуры потребностью в новой идеологии, способной узаконить возникшие общественные отношения¹⁹. В соответствии с общей советским историкам методологией исторического материализма исследователь называл эту идеологию феодальной. Торговые и политические контакты с Индией и Китаем только ускорили развитие обществ ЮВА, но не детерминировали их. В распространении индийской культуры на территории Индонезии огромную роль играли побывавшие в Индии индонезийцы, хотя имело место и переселение проповедников буддизма, брахма-

низма и индуизма, феодалов²⁰ и купцов. Таким образом, ещё в 1960-е гг. Ю.В. Маретин сформулировал теорию политической индианизации ЮВА, или индианизации по политическим соображениям.

Современные дискуссии об индианизации начались, по-видимому, двумя статьями Й. Маббета 1977 г. Он выявил категориальные ошибки в дискуссии: интерпретацию индийской культуры как целостности (в его терминологии «монады» традиции Лейбница), тогда как в действительности это сложный набор взаимопроникающих и взаимовлияющих идей, образов жизни, укладов, и т.п.; гипостазирование типов «торговец», «воин», «жрец» и «вайшья», «кшатрий», «брахман» соответственно; соединение под одним названием индианизации двух разных процессов, именно «появления княжеств или городов-государств с индийской культурой в первые три века н.э. и рост крестьянских обществ со жреческой, военной и гражданской верхушкой во второй половине, если не последней четверти I тыс.»²¹. Маббет назвал эти процессы первичной и вторичной индианизацией²².

Маббет сформулировал два основных вопроса индианизации: каким способом распространялось индийское влияние и какой была его глубина. Отвечая на первый вопрос, он предложил «эkleктическую», по его собственным словам, гипотезу, объединив все предшествующие: в распространении индийского влияния участвовали и местные жители, и индийцы из самых разных общественных групп. Исследователь думал, что любой радикальный ответ на вопрос о глубине влияния будет неточным, так как не учитывает характера индианизации в самой Индии, где санскритская культура существовала только внутри местной традиции (не было особой, «чистой» санскритской культуры – это общий различным традициям элемент). Влияние санскритской культуры и учёности было значительным, потому что она предоставляла разработанные идеи царственности, обряды и верования, иконографию и язык. Тем не менее, сохранялась значительная специфика юго-восточноазиатского региона, полного своих особых традиций политической, экономической и культурной жизни.

Маббет указал и на особенности индианизации ЮВА в сравнении с Южной Азией. Эволюционные потоки в ЮВА и в Индии, начавшись с усвоения единого санскритского наследия, неизбежно расходились друг с другом. Сохранение санскритской культуры в ЮВА было затруднено географическими препятствиями и отсутствием миграций из Индии. Индианизацию проводили индивиды, в той или иной форме владеющие санскритом (по Маббету, в большей степени местные жители), а не большие группы, соответственно, санскритская учёность была менее устойчива и потому отличалась большим синкретизмом, чем в Индии. Не следует ожидать и переноса кастового строя в ЮВА.

Безусловно, теория Маббета имеет и недостатки. Во-первых, исследователь не рассматривает вопрос о причинах индианизации («почему была заимствована индийская культура», вне зависимости от того, была ли она монолитной или это только обозначение разнородных традиций). Во-вторых, критерии определения степени синкретизма совершенно не ясны. В-третьих, сам факт морской удалённости не обязательно свидетельствует о различиях в эволюции, тем более что в современной историографии австронезийским мореплавателям отводится ведущая роль в плаваниях через Индийский океан в древности. Наконец, на сегодняшний день споры идут о датировке индианизации: в частности, М. Смит доказывает, что до IV в. можно говорить лишь о поверхностных контактах между Индией и ЮВА и лишь в этом столетии начинается собственно индианизация²³.

Тем не менее, представления Маббета об эклектическом составе участников индианизации и самой индийской культуры стали общепринятыми в зарубежной историографии (отечественные авторы так думали и ранее), а осуществлённый им категориальный анализ эталонным²⁴.

Ю.В. Маретин в том же 1977 г., что и Маббет, суммировал свои методологические воззрения на проблему индианизации, повторив в развёрнутом виде теорию политической индианизации в отношении самобытной индонезийской культуры²⁵. Он справедливо заметил, что культуру любого общества нельзя представлять себе механистически, складывая её путём сложения отдельных элементов, и что заимствования извне не могут объяснить внутреннего развития общества. Поэтому индийские культурные веяния легли на местную индонезийскую основу, причём обитатели древней Индонезии осуществляли строгий отбор нужных им элементов. Ю.В. Маретин полагал, что заимствование индийских традиций осуществлялось столь легко из-за общности религий Индии и Индонезии, но назвал среди общих черт лишь анимизм дравидийских культов.

К тем же выводам, что и Ю.В. Маретин, а за рубежом Й. Маббет, пришёл Д.В. Деопик. Он полагал, что в период становления классового общества «различные народы региона выбирали то, что им в большей степени подходило в индо-дравидском мире, руководствуясь при этом своими особенностями... Воспринималась лишь определённая часть религиозной идеологии, языка, религии, приёмы в искусстве»²⁶.

Корифей изучения ЮВА О. Уолтерс, стремясь обосновать идею единства региона с древнейших времён, решительно отверг понятие индианизации из-за содержащегося в нём намёка на колонизацию, заменив его «локализацией индийской культуры»²⁷. Это понятие показывает динамику усвоения заимствуемого опыта через подчёркивание активной роли местных жителей ЮВА в заимствовании индийских культурных моделей. Уолтерса поддерживают А. Айер и в некоторой степени

Х. Кульке²⁸. Но у теории локализации есть существенный недостаток: она мешает увидеть активную роль индийцев, которые и были первичными носителями санскритской культуры, даже если их воздействие ограничивалось только обучением талантливых жителей ЮВА.

О. Уолтерс предложил гипотезу *мандалы* (букв. «круг») – особой формы политической организации с неустойчивыми отношениями между верховным правителем и его вассалами и размытыми и подвижными границами. По его мнению, мандала образует удобную метафору для осмысления региональной истории, которая не должна конструироваться на основе критерия внешнего влияния. Любопытно, что термин «мандала» заимствован из санскрита.

К. Холл сформулировал проблему индианизации несколько иным способом сравнительно с Й. Маббетом. По его мнению, нужно ответить на вопрос, как и почему жители ЮВА решили заимствовать индийскую культуру²⁹. И здесь К. Холл предложил исходить из того, что в каждом конкретном случае причины заимствования различались. Индианизация Фунани произошла в середине V в. из-за потребностей государственного аппарата³⁰ в усовершенствовании извлечения доходов из земледелия, т.е. из стремления улучшить налогообложение, и отказа видеть главный источник средств в морской торговле³¹. Это совпадает со сменой династии: в Фунань был приглашён правитель из Паньпани, уже индианизированной политики на Малаккском полуострове. Именно тогда, по К. Холлу, в Фунани начинается использование санскрита, почитание индийских божеств, включая буддийского бодхисатву Локешвару, появляются брахманы и чиновники индийского типа³². А в Паньпани и других социумах Малаккского полуострова индианизация была вызвана стремлением местных правителей повысить свой статус в глазах и местных жителей и приплывающих индийских купцов³³. К. Холл отмечает, что «восприятие санскритской культуры поддерживалось лидерами обеих территорий (Индии и ЮВА – А.З.) из-за её потенциала как источника политического и социального сцепления»³⁴, что повторяет положения Й. Маббета и Ю.В. Маретина.

В построениях К. Холла, безусловно, есть рациональное зерно: едва ли можно утверждать, что разнородные и разновременные заимствования могут быть объяснены каким-либо одним фактором. Но в его концепции есть и слабые звенья. Во-первых, китайские послы в Фунань Кан Тай и Чжу Ин сообщают о применении индийского письма в этой политике уже в III в., т.е. за два столетия до её предполагаемой К. Холлом индианизации³⁵. Во-вторых, эта теория плохо совмещается с имеющимися эпиграфическими данными: ранние надписи на санскрите в ЮВА появляются в III–IV вв. Речь идёт о надписях Во-кань из Ня Чани и Донг Йен Чау из района Ча Киеу в долине реки Тю во Вьетнаме (первая на санскрите, вторая на чамском языке)³⁶ и о надписях на жертвенных столбах

(*yūpa*) из Восточного Калимантана, датирующихся приблизительно 400 г.³⁷ Возможно, теория «поздней индианизации» не вполне объясняет обнаружение индийских предметов в археологических раскопках в ЮВА³⁸, хотя это спорно³⁹. Наконец, остаётся вопрос о начале индианизации на Малаккском полуострове в Паньпани, политическом образовании довольно загадочном, известном только по китайским источникам.

Очередное обращение к тематике индианизации в 1970-х – начале 1980-х гг. имеет, безусловно, определённый социально-культурный подтекст, хотя определить его несколько сложнее, чем в случае с предшествующими дебатами. В гуманитарных науках шли разнообразные и взаимосвязанные друг с другом процессы: взлёт и падение структурализма и появление постструктурализма, становление «новой исторической науки» и «новой культурной истории» со вниманием к исторической психологии, или ментальности, распространение количественных исследований, появление постмодернистских, деконструкторских изысканий («Ориентализм» Э. Саида), расцвет неозволюционизма и герменевтики... Едва ли менее важным было обращение к истории понятий, примером чему служат тот же Саид и знаменитый Р. Козеллек, исследовавший историю понятия «история»⁴⁰. Становится очень популярной идея равноценности культур, нашедшая своё теоретическое воплощение в различных теориях, в том числе известного специалиста по яванской культуре Клиффорда Герца⁴¹. В целом наблюдалась дальнейшая специализация исследований в сочетании со спецификацией понятий.

Рассмотренные выше теории Й. Маббета, Ю.В. Маретина, О. Уолтерса и К. Холла вполне отвечают методологиям своей эпохи. Спецификация понятий, различение выделяемых сознанием типов поведения и эмпирически данных индивидов, отказ от поиска сущности под названием «индийская культура», определение «санскритской учёности» как элемента разнообразных местных культурных традиций как в Индии, так в ЮВА у Й. Маббета были следствием его методологической позиции, которую можно, наверное, определить как структурализм. Ю.В. Маретин придерживался истмата, как сообщалось выше, но одним из атрибутов этой методологии предстаёт примат внутренних факторов общественного развития над внешними. О. Уолтерс был сторонником равноправия культур и следовал герменевтике, стремясь познать культуру в её собственных терминах, что нашло выражение в понятиях локализации индийской культуры и мандалы⁴². Он обосновывал идею особого региона ЮВА с древнейших времён⁴³. Что же касается К. Холла, то он, видимо, придерживался неозволюционистских взглядов, по крайней мере, в том, что касалось причин индианизации, коль скоро они отличаются в каждом отдельном случае.

В 1980-х гг. Х. Кульке, Г.Г. Бандиленко и С.В. Кулланда разрабатывали идею о том, что индианизация была вызвана политическими по-

требностями жителей Юго-Восточной Азии – узаконить возникающие отношения государственного быта; для этого С.В. Кулландой использовалось понятие потестарной стадии развития⁴⁴. Х. Кульке подчёркивал важность легитимации, действуя во многом под влиянием М. Вебера, наследие которого он тщательно изучал⁴⁵. С.В. Кулланда отмечал необходимость перестройки общественного сознания для упрочения новых государственных отношений, уже созданных обществами ЮВА, а не заимствованных извне. Х. Кульке полагал, что культурное сближение (convergence) ЮВА и Индии было вызвано внутренним сходством, или близостью (nearness) их обществ⁴⁶. При этом историк указывал на различия между северо-индийскими империями и политиями Южной Индии. По его мнению, именно царства юго-восточной Индии наиболее структурно близки юго-восточноазиатским. Индианизация и в Индии и в ЮВА шла в форме санскритизации. Г.Г. Бандиленко считал, что элементы индийской культуры способствовали завершению формирования государственности и классовых обществ на территории Индонезийского архипелага, а носителями индийской культуры были представители различных слоёв индийского общества⁴⁷. Построения Х. Кульке, Г.Г. Бандиленко и С.В. Кулланды следуют основной идее Ю.В. Маретина.

В 1980-х – 1990-х гг. Й. Главер неоднократно исследовал проблему контактов между Индией и ЮВА до середины I тыс. н.э. – времени, когда присутствие элементов индийской культуры (письменности, религиозных верований, социально-политических идей, типов скульптуры и архитектуры и других) во втором регионе бесспорно⁴⁸. Главер на материалах археологических раскопок в ЮВА обосновывал возможность её включения в мировую торговую сеть уже в IV в. до н.э., хотя в ранних работах он допускал вероятность того, что речь следует вести не о торговле, а о спорадическом обмене товарами. Впрочем, в своих поздних публикациях он отказался от этого предположения. Ключевым археологическим памятником, материалы коего легли в основу теории Главера, выступает раскопанный им могильник Бан Дон Та Пхет (Ban Don Ta Phet), расположенный между Канчанабури и Утхонгом в западном Таиланде⁴⁹. Главер датирует его второй половиной IV в. до н.э. на основании радиоуглеродного анализа (C14). Безусловная ценность трудов Главера состоит в том, что в них обобщены имеющиеся археологические данные, которые можно трактовать в качестве свидетельства контактов между Индией и ЮВА: бусины из стекла и полудрагоценных камней, в первую голову агата и сердолика, и бронзовые сосуды с высоким содержанием олова⁵⁰. Исследования Главера свидетельствуют о значительном возрастании роли археологии в изучении прошлого ЮВА и необходимости учёта её данных при конструировании теорий межкультурного взаимодействия. Некоторым недостатком построений Главера оказывается

отказ от изучения причин контактов и индианизации: он просто констатирует их наличие, но не объясняет, чем они были вызваны.

Индийская исследовательница Х.П. Рэй издала в 1994 г. свою монографию о буддизме в истории морских связей Индии с окружающим миром⁵¹. Следуя Й. Главеру и другим археологам в обобщении археологических данных о контактах между Индией и ЮВА⁵², Х.П. Рэй полагает, что между IV–III вв. до н.э. – III–IV вв. н.э. господствующей идеологией правящих элит и торговых групп в Индии был буддизм, способствовавший формированию торговой сети между Индией и ЮВА⁵³. Хотя с IV в. н.э. он вытесняется шиваизмом в Чампе (Центральный Вьетнам) и едва ли может быть обнаружен на Яве, на территории Бирмы и Таиланда его влияние бесспорно⁵⁴.

Роберт Браун в своём исследовании *дхармачакр* Таиланда, относящихся к царству Дваравати, снова обратился к проблеме индианизации⁵⁵. Он разделяет идею Х. Кульке о сходстве обществ Индии и ЮВА, применяя её для объяснения художественных стилей Таиланда и видя в *дхармачакрах* сплав индийских и местных черт⁵⁶. Его привлекает и трактовка индийских культурных стилей как средств возвышения местной элиты внутри общества благодаря общему «культурному словарю», способствовавшему и сплочению самой верхушки. С другой стороны, он критикует идею санскритизации, ссылаясь на то, что санскритизация есть такое усвоение санскрита и брахманской жреческой культуры, которое призвано улучшить варново-кастовый статус группы, а его-то и не получается найти в ЮВА⁵⁷. Браун исходит из тезиса о том, что искусство было средством достижения власти (a means to power), и во времена политической неустойчивости могло создаваться больше предметов искусства для узаконения претензий правителя на власть⁵⁸. Исследователь предлагает пересмотреть взгляды на взаимоотношения политической структуры и религиозного мирозерцания. По его мысли, Дваравати не оставило монументальной архитектуры, потому что заимствовало буддизм, который не вдохновлял на сооружение прославляющих Будду зданий, а древняя Камбоджа, заимствовав индуизм, где возведение храмов в честь богов было первой задачей правителя, была вынуждена создать государственный аппарат для организации рабочей силы. Сооружение храмов, бывших свидетельствованиями власти (statements of power), показывало связь между верхушкой общества и богами, а их строительство поощряло централизацию⁵⁹.

Безусловно, Браун прав в том, что в ЮВА кастовый строй не существовал⁶⁰. Но едва ли можно утверждать, что распространение санскрита не могло быть средством повышения социального статуса без привязки к кастовому строю. Спорно и положение о прямой связи искусства и власти: их отношения были, по-видимому, более сложными. Во всяком случае, из наличия большего числа художественных артефактов в кон-

кретном обществе в определённый период времени по сравнению с предшествующей и/или последующей эпохой ещё нельзя делать вывода об усилении идеологической борьбы (это следует из тезиса о том, что искусство способствовало узаконению притязаний на власть).

Ещё более спорны взгляды Брауна на связь религии и политики. Дело в том, что заимствовавшие буддизм древние яванцы построили Боробудур, едва ли уступающий Ангкор Вату в Камбодже⁶¹. По сути, гипотеза Брауна предполагает антиисторическое восприятие индуизма и буддизма. Не объясняет она и того, почему в одном обществе были возможности для строительства, а в другом нет. Монументальное зодчество предполагает значительные людские и материальные ресурсы. Без экономических предпосылок возведение храмов трудно себе представить.

Й. Маббет в 1997 г. вновь исследовал проблему индианизации, отметив, что само слово «индианизация» из обозначения фактического процесса превратилось в название теории, открытой ныне для критики⁶². Маббет в значительной мере повторил свои рассуждения 1977 г., но дополнил их некоторыми новыми соображениями. Исходя из того, что уже в доисторический период (prehistory) общества ЮВА достигли высокого уровня культурной сложности (complexity) с общественным расслоением (stratification), поселениями, окружёнными рвами и стенами, и применением железных орудий труда, Маббет задался вопросом о причинах, с одной стороны, такого развития местных обществ, а с другой, заимствования индийских идей управления и религии. Он видит одну из причин ранних успехов в развитии сельскохозяйственных технологий, в том числе внедрении плуга, что позволило получать больший прибавочный продукт, достаточный для появления новых общественных групп: ремесленников, воинов, управленцев, жрецов. Маббет использует теорию средового ограничения Роберта Карнейро (environmental circumscription)⁶³. В ЮВА возможности для развития земледелия ограничивались доступной технологией, что в свою очередь создавало внутреннее напряжение в обществе и вело к его усложнению, вызванному необходимостью уравновесить недостаток наличных ресурсов через захват контроля над ними и управление их распределением. В результате достигался значительный уровень политической сложности.

Маббет выделяет три этапа в доистории и протоистории: 1) развитие протогородских центров в середине I тыс. до н.э. (примером чего он считает Бан Дон Та Пхет в Таиланде); 2) широкое распространение индийских артефактов в последние века до н.э. – первые века н.э.; 3) полное включение южно-азиатских идей управления и религии в первой половине I тыс. н.э.⁶⁴ Маббет утверждает, что к середине I в. до н.э. – II в. н.э. относится большинство данных о прямых контактах индийцев и жителей ЮВА. Вследствие развития международной торговой сети сложились возможности для контроля над потоками товаров. Здесь Маббет

использует древесную модель Б. Бронсона⁶⁵. У некоторых групп, живущих в районах прибытия посредников и/или доступа к местным товарам, появились возможности для перераспределения богатства и усиления собственного влияния. Это тоже способствовало политической дифференциации.

Тем не менее, Маббет справедливо указывает на проблематичность теории о высоком развитии ЮВА в доисторический и протоисторический период: как объяснить сильное воздействие индийской литературы, языка, управления (government) и религии на ЮВА и едва ли не полное отсутствие обратного влияния? Маббет признаёт тот факт, что правдоподобной теории до сих пор не создано, и выдвигает предположение о психологической причине индианизации⁶⁶. Индианизация в Индии предполагала взаимодействие центра и периферии (core and periphery) и была процессом распространения социально-политической культуры северо-восточной Индии (так у Маббета. – А.З.) на остальную часть субконтинента. То же самое можно сказать и о ЮВА, правда, с некоторыми уточнениями. По его мнению, общества на периферии культурного ядра/центра (core) оказывались под большим культурным и психологическим давлением (stress), будучи небольшими общинами. Эти небольшие общины, сталкиваясь с большим демографическим, социальным и экономическим давлением со стороны больших сообществ, нуждались в общем языке культуры, включающем символические ритуальные компоненты из известных культурных наборов. Этот новый для них язык культуры помогал людям развить государства, чтобы «найти средство выражения, способное поддержать людей в условиях кризиса общественного самосознания (identity)»⁶⁷. Безусловно, санскрит не был языком повседневного общения, он имел статус языка «высокой культуры», принадлежащей элите, которая за счёт владения им увеличивала свой символический капитал и выделяла себя из остального общества. Символика ядра / центра была заимствована, а не навязана новым сообществам. Они включили верования центра в собственные системы взглядов, отобразив лишь те, которые не нарушали унаследованные от предков (ancestral) культурные символы.

Фактически Маббет возвращается к идее культурного превосходства Индии для объяснения её преимущественного влияния на ЮВА. Слабым местом его концепции оказывается недостаточное внимание к двум характерным чертам индианизации как действительного процесса: она охватывала отнюдь не все общества ЮВА, а только некоторые из них, следовательно, эти общества должны были отличаться от тех, где индианизации не было; влияние Индии превосходило влияние Китая, как известно, не менее развитого культурного центра с тысячелетней историей. Почему же общества ЮВА предпочли заимствовать санскрит, а не китайский язык, индуизм и буддизм, а не конфуцианство?⁶⁸ Следует

подчеркнуть, что теория Маббета о психологическом состоянии обществ периферии нуждается в верификации на более серьёзном материале, нежели общие соображения о культурном давлении более развитого общества на менее развитое.

М. Викери разделяет теорию политической индианизации ЮВА⁶⁹. Исследовав историю Фунани, он выявил сохранение в III–IV вв. н.э. местных политических традиций, титулов и религиозных воззрений (встречающиеся в китайских источниках имена на *Фань* отражают местный титул *роñ*). Правящие Фани, по Викери, вынуждали менее могущественных правителей изменить традиционные обычаи, чтобы обезопасить власть собственной семьи. Заимствованная индийская политическая традиция навязала кхмерам патрилинейную систему наследования, укреплявшую власть родов Фаней. Вслед за ранними историками Викери думает, что источником заимствования индийской культуры было юго-восточное побережье Индии, особенно район Калинги (штат Орисса), где находилось царство Паллавов. Именно от них в ЮВА проникают имена с окончанием *-varman*⁷⁰. По Викери, агентами индианизации были не только и не столько индийцы, сколько сами жители ЮВА, плававшие в Индию, могли обучать своих соплеменников индийской письменности⁷¹.

Н. Дальсхаймер и П.-И. Мангэн, исследуя статуи Вишну в тиаре (*Viṣṇu mitrés*) высказали любопытное предположение о существовании в ранней ЮВА единой вишнуистской торговой сети (*reseau marchande viṣṇuiste*), с которой и была связана первичная индианизация⁷². Они трактуют её как новый этап в формировании первых торговых государств ЮВА на Малаккском полуострове, наиболее известным из которых была полития Дуньсунь, известная по китайским хроникам ещё в III в.⁷³ Эти торговые политии имели форму портовых городов-государств⁷⁴. По мнению Дальсхаймер и Мангэна, именно вишнуиты: торговцы, религиозные и политические деятели различных (далеко не только индийских) национальностей, — стали движущей силой индианизации (о роли вишнуизма в отечественной историографии писал Ю.В. Маретин)⁷⁵. Для доказательства этой гипотезы исследователи ссылаются на отчётливо вишнуитский характер ранних надписей Пурнавармана на Яве, на упоминание вишнуитских понятий *bhāgavata* и *bhakti* в надписи Гунавармана K5⁷⁶.

Теория Дальсхаймер и Мангэна, несмотря на свою привлекательность, объясняет далеко не всё. Стела из Во-кань (о проблеме её датировки см. выше) и надписи Мулавармана из района Кутей на Калимантане, датирующиеся началом – первой половиной V в. н.э.⁷⁷ по своему характеру не могут считаться вишнуитскими. Поэтому едва ли можно жёстко связывать индианизацию с приверженцами Вишну. Хотя о пре-

обладании вишнуизма в V–VI вв. в Фунани можно говорить более уверенно благодаря археологии низовьев Меконга⁷⁸.

В 1999 г. Моника Смит предложила теорию поздней индианизации, которая начинается не ранее IV, если не в V в. под влиянием успехов индийской династии Гуптов в политической, религиозной и социальной консолидации⁷⁹. До IV в. контакты ЮВА и Индии были, по её мнению, единичными (sporadic) и ограничивались торговыми взаимодействиями.

Система доказательств М. Смит такова. Во-первых, нет письменных свидетельств о плаваниях индийцев за пределы Индии – напротив, мы имеем достаточно сведений о высокой технике мореплаваний у австронезийцев (исследовательница ссылается на исследование П.-И. Мангэна⁸⁰). Собранные ею данные недвусмысленно говорят о том, что торговцы приплывали торговать на субконтинент, а не наоборот⁸¹. Однако Смит оставляет без внимания сведения тех источников, которые говорят о плаваниях индийцев⁸².

Во-вторых, политическая организация индийских обществ до Гуптов (за одним возможным исключением – Маурьях при Ашоке) не имела достаточно ресурсов для международных контактов и завоеваний и осуществляла только поверхностный контроль над экономикой, чтобы рассчитывать на долговременные масштабные проекты⁸³. Эти соображения позволяют отвергнуть идею об индийцах как инициаторах индианизации.

В-третьих, и это гораздо важнее, археологические сведения о контактах либо сомнительны, либо недостаточны, чтобы говорить о влиянии. Неоспоримых находок индийских по происхождению предметов не так много: это гребень из слоновой кости, найденный в слоях I–II вв. в Тянсене, Таиланд (Chansen), и хлопковая нить из раскопок Бан Дон Та Пхета⁸⁴. Римские по происхождению артефакты: монеты, инталии и бронзовые лампы – хоть и принадлежат к началу I тыс., могут быть результатом более поздней торговли (здесь исследовательница, судя по всему, закрывает глаза на известные ей раскопки Окео в южном Вьетнаме. – А.З.). Часто используемая для доказательства индийского влияния «рулеточная» чернолощёная керамика (rouletted ware) встречается не так часто, как можно подумать: всего три сосуда на Яве, семьдесят восемь на Бали (Сембиран), по одному в Пачунге и Ча Киеу во Вьетнаме⁸⁵. Сразу нужно подчеркнуть, что эта подборка неполна: Унур Лемпенг, или Сегаран-2 из раскопок Батуджайи дал два черепка и ещё один был найден в подъёме⁸⁶. Но М. Смит права в том, что на столь незначительных основаниях рискованно строить здание величественной теории масштабных культурных взаимодействий.

В-четвёртых, исследовательница считает, что имеющиеся ранние эпиграфические памятники, например текст из Во-кани, нужно датиро-

вать не столько по палеографическим соображениям, сколько по анализу содержания, а он помещает их в V в., если не позже⁸⁷. Другие тексты – оттиски печатей – тоже не могут служить решающим аргументом в силу малочисленности и часто неясного стратиграфического контекста.

Далее, Смит оспаривает индийское влияние на производство железа и ценность бусин из стекла, агата и сердолика как свидетельств индийского влияния, указывая на то, что каменные бусы известны в ЮВА уже в начале II тыс. до н.э., а сырьё для их изготовления из других предметов наличествовало в достаточном количестве⁸⁸. Технология же обработки железа могла быть заимствована из Китая или найдена самими жителями ЮВА в процессе выплавки меди. Для производства стекла нужны песок, известь и сода⁸⁹, легкодоступные и широко распространённые ресурсы. Высокотемпературные технологии литья бронзы могли способствовать открытию производства стеклянных бусин.

Суммируя эти рассуждения, Смит считает данные об экономических, политических и культурных связях Индии и ЮВА до IV в. ограниченными небольшим числом объектов и проблематичными. Она формулирует два ключевых вопроса археологической интерпретации: насколько физических данных достаточно для подтверждения прямого контакта и насколько больше их требуется для подтверждения значительного и целенаправленного влияния⁹⁰?

В трактовке причин заимствования индийской культуры М. Смит в основном следует Х. Кульке и К. Холлу, называя стремление местных правителей увеличить своё господство посредством символических и ритуальных средств, узаконить свои притязания на власть и улучшить связи с другими культурами⁹¹. Но она идёт дальше, подчёркивая привлекательность политической модели Гуптов для властителей ЮВА, поскольку эта модель политического, социального и религиозного объединения (*integration*) была согласованной, удачной и долговременной⁹². И имеющиеся эпиграфические памятники в ЮВА появляются в V–VII вв.⁹³

Статья М. Смит интересна отнюдь не только скептицизмом в отношении раннего этапа взаимодействия Индии и ЮВА и идеей о влиянии Гуптов (важность эпохи Гуптов отмечал и Г.Г. Бандиленко⁹⁴). Важнее её попытка ответить на вопрос об отсутствии китайского влияния в ЮВА, сравнимого с индианизацией (за исключением северного Вьетнама). Она обращается к истории взаимодействия китайских государств, начиная с Цинь, и приходит к выводу о том, что «многочисленные ранние торговые контакты [Китая с ЮВА] сопровождались применением силы и многочисленными попытками подчинить и управлять землями [ЮВА]»⁹⁵. Таким образом, заимствование китайской модели общественной, политической и религиозной организации предполагало китайский контроль, тогда как индийские политики были слишком слабы для пря-

мой экспансии, а их идеями и символами можно было легко манипулировать⁹⁶.

Безусловно интересная, теория М. Смит имеет недостатки. Во-первых, связать начало индианизации с политическими успехами Гуптов можно, только закрыв глаза на свидетельства китайских хроник об индианизации Фунани уже в III в. (см. выше). Во-вторых, отказ от датировки надписей по палеографии чреват спекуляциями: получается, что исследователь может решить, что отражённые в надписях институты «могли существовать лишь гораздо позднее». В сочетании с данными китайских хроник пересматривать датировку надписи из Во-кань нет никаких оснований. В-третьих, политические идеи индийцев были сформулированы задолго до Гуптов: и «Артхашастра», и «Законы Ману» созданы в II в. до н.э. – II в. н.э. или на рубеже эр, «Яджнавалкья-смрити» во II–III, а «Нарада-смрити» – в III–IV вв.⁹⁷ В-четвёртых, химический состав стеклянных бусин I тыс. до н.э. из Таиланда совпадает с оным из Арикамеду на восточном побережье Индии⁹⁸, и какие-то связи отрицать невозможно, хотя кто был источником, а кто получателем, с уверенностью сказать не получается. Наконец, едва ли можно свести проблему китайского заимствования к агрессивности «Поднебесной». Свою роль могли сыграть и сложности китайской иероглифической письменности, и чрезмерные по меркам обществ ЮВА затраты на китайские административные механизмы, предполагающие множество чиновников, и отмеченное Х. Кульке «общественное сходство» политий Индии и ЮВА. Вопрос, тем не менее, остаётся: почему жители ЮВА предпочли индийское «культурное меню» китайскому?

В 2003 г. появилась статья Йосиаки Исидзавы об индианизации и китаизации ЮВА⁹⁹. Он считает, что наличие индийских артефактов в том же Окео доказывает только существование торговли, но не означает индийского влияния, да ещё оказанного индийскими мореплавателями¹⁰⁰. Исидзава видит агентов индианизации в местных правителях, приглашавших брахманов для удовлетворения своих политических потребностей в легитимации, – идея отнюдь не новая. Он повторяет тезис Брауна о существенной связи индианизации с кастовым строем и в отсутствие оного в ЮВА отвергает саму идею индианизации; более того, сомневается в том, что в регионе вообще были настоящие брахманы¹⁰¹, что не учитывает многочисленных эпиграфических и иноземных (китайских) свидетельств. Исидзава предпочитает говорить даже об «о-юго-восточноазивании» (Southeast-Asianizing) индийской культуры¹⁰². Он вслед за Смит пишет об угрозе со стороны Китая и справедливо считает, что вьетнамские общества были избирательны в своих заимствованиях китайских традиций¹⁰³.

Б. Беллина и Й. Главер выделяют две стадии во взаимоотношениях ЮВА с Индией (рассматриваемой как совокупность разных традиций, а

не единая культура): между IV в. до н.э. и II в. н.э. ЮВА входила в систему мировой торговли, хотя индийские по происхождению и/или по стилю артефакты в регионе обнаруживаются в не-индианизированном контексте, тогда как во II–IV вв. уже сам контекст археологических находок индианизирован, хотя разнообразие предметов индийского типа уменьшается¹⁰⁴. В первый период основными показателями индийского влияния выступают каменные и стеклянные бусины и керамика. На втором этапе появляется специфический вид сосуда – *кундика*, или кувшин с высоким горлышком и расширяющимся к основанию носиком. Заметную часть керамики образуют клеймёные и лепные сосуды (*stamped and moulded ceramics*)¹⁰⁵. Тогда же произошло и восприятие индийских верований, художественных стилей, письменности и общественно-политических идей. Именно это восприятие и позволяет вести речь об индианизированном контексте. В более ранних работах Б. Беллина высказала предположение, что украшения – бусины из полудрагоценных камней, близкие по стилю индийским – начали производиться на западном побережье Малаккского полуострова и в районе Окео в конце I тыс. до н.э. – начале I тыс. н.э., причём в производстве участвовали индийские ремесленники¹⁰⁶. Мысль об индийском происхождении южно-восточноазиатских типов бус Беллина и Главер отстаивали в своём исследовании травленных щёлочью агатовых и сердоликовых бусин из раскопок в ЮВА¹⁰⁷.

П.-М. Мюно в 2006 г. предложил интересный ответ на вопрос о причинах выбора индийской культуры: во время формирования государственности ЮВА – I–III вв. н.э. – преобладали контакты с Индией, а прочные связи с Китаем общества региона установили лишь в V в.¹⁰⁸. А на возникающий вопрос: почему именно в начале I тысячелетия н.э. имел место генезис австронезийской государственности – ответ тоже найден: этот процесс был вызван экономическим бумом I в. н.э., когда резко оживились контакты между Римской империей и Индией. Они, в свою очередь, способствовали росту торговли с ЮВА, где производились востребованные на западном рынке товары. Рост торговых оборотов вёл к обогащению части общин, социальному расслоению и стремлению отдельных лиц закрепить за собой главенствующее положение. Для этого потребовались новые символические средства, найденные в Индии, стране обитания основных торговых партнёров. В остальном взгляды П.-М. Мюно на индианизацию повторяют теории Й. Маббета и Х. Кульке.

Бесспорно, теория Мюно довольно привлекательна. Тем не менее, в ней есть некоторые слабости. Прежде всего, тезис о политогенезе в ЮВА на рубеже эр до сих пор остаётся лишь красивой гипотезой¹⁰⁹: во-первых, нет эпиграфических документов; во-вторых, самые ранние свидетельства китайских хроник появляются лишь в III в., а они составля-

лись с учётом китайского восприятия; в-третьих, археологических свидетельств существования административного аппарата нет¹¹⁰. Сомнительно и утверждение, что прочные связи с Китаем были установлены лишь в V в. Во всяком случае, вьетнамские районы знали о Китае гораздо раньше, а через австронезийских мореходов Чампы эти сведения могли проникнуть и на архипелаг. Китайское посольство Кань Тая и Чжу Ина в Фунань относится к III в.

Дж. Миксич предложил видеть в индианизации один из этапов истории ЮВА как целостного региона, сравнимого с христианизацией, Возрождением и Просвещением в Европе¹¹¹. По его определению, в качестве теории индианизация это «мнение, согласно которому юго-восточноазиатская культура была коренным образом изменена влиянием из Индии, начавшимся приблизительно две тысячи лет назад, и индийские идеи царственности, индуизм и буддизм, санскритский язык, литература и мифология – короче, индийская цивилизация, – была пересажена в ЮВА»¹¹². Он констатировал, что ныне споры идут о конкретных способах переноса характерных черт южно-азиатской культуры на южно-восточноазиатскую почву и осуществлявших их деятелях. Этот процесс не рассматривается как единая волна или даже последовательность волн – в каждом отдельном случае последовательность заимствований предстает неповторимо индивидуальной и разнообразной, причем усвоение индийской культуры оказывалось тесно связано с укреплением уже существовавших общественных и культурных структур местной элитой – главным агентом индианизации¹¹³.

Современные дискуссии об индианизации, по-видимому, вызваны рядом как научных, так и общественных международных, экономических и политических процессов. С одной стороны, уже с 1970-х резко возрастают археологические исследования в странах ЮВА, ведущиеся по новейшим технологиям с применением естественнонаучных методов. Они дают ежегодный рост данных по каждому отдельному памятнику, их группе, районам, странам и региону в целом. Соответственно, они нуждаются в интерпретации и обобщении, уточнении либо пересмотру старых схем и выработке новых концепций. Специализация, эта общая черта мировой науки, приводит к появлению специализированных исследований по отдельным классам предметов, например рассмотренные выше монография Р. Брауна о дхармачакрах Таиланда и статья Н. Дальсхаймер и П.-И. Мангэна о статуях Вишну в тиаре. Поскольку же эти предметы не существовали и не существуют изолированно от породившего и изучающего их обществ, постольку их исследование неизбежно вынуждает к анализу общих проблем истории региона и/или отдельных его стран. Таким образом, возросшая роль археологии приводит к существенному уточнению или полному пересмотру старых концепций, выработанных на материале письменных памятников (эпиграфики

и свидетельств иноземных авторов) и данных архитектуры и скульптуры. Следовательно, последний период изучения индианизации носит преимущественно «археологический» характер по вводимой в научный оборот основной категории источников.

Ведущая роль постмодернизма в мышлении, постструктурализма и неоэволюционизма в методологии, при всей их крайней спорности, способствует укреплению представления о множественности не сводимых друг к другу путей развития отдельных социумов. Это, в свою очередь, вынуждает отказаться от поиска универсальной модели индианизации ЮВА и, возможно, универсальной модели любых иных явлений. Вместо неё предлагается конструировать местные последовательности состояний, или линии развития, которые затем можно будет соединить вместе в качестве сосуществующих в одном географическом регионе, не выделяя основного варианта. Такие последовательности вовсе не предполагают поиска универсальных причин перехода с одной стадии/состояния на другую. Хотя эта методология крайне популярна и полезна для выявления региональных особенностей, она имеет существенные недостатки. Выделю один. Наука должна выявлять закономерности, т.е. устойчивые, повторяющиеся и существенные связи между явлениями, а если мы отказываемся видеть между последовательностями состояний нечто общее, отказываемся искать общие причины тех или иных структурных трансформаций, то мы уже занимаемся не наукой, а коллекционированием отдельных артефактов.

Как это ни странно на первый взгляд, недавним дискуссиям об индианизации немало способствовали глобальные перемены после распада СССР. Возрастающая роль Китая в мировой экономике и политике, особенно сказывающаяся в соседних с ним государствах, за влияние на которых он, кстати, ведёт стратегическую борьбу¹¹⁴, заставили многих учёных изучать воздействие Китая на соседей и остальной мир на протяжении всей его истории. Этим можно объяснить интерес к отказу от выбора древнекитайских моделей в древних политиях ЮВА у М. Смит, П.-М. Мюно и Исидзавы.

Заметным фактором становится поиск странами ЮВА в составе АСЕАН новой коллективной идентичности, основанной на идее изначальной общности судеб и интересов¹¹⁵. Хотя исторически регион не существовал до конца Второй мировой войны, представляя собой разрозненный конгломерат политий, народностей, языков, в современной историографии явно представлено желание найти его общую историю – и здесь индианизация оказывается одной из наиболее удачных тем (идея Дж. Миксича), пусть даже Вьетнам (не считая Чампы), Филиппины и восточные острова Индонезии не проходили этой стадии. Но такова логика мифотворчества в идеологии.

Подведём некоторые итоги. Причины индианизации до сих пор не ясны. Наиболее популярное направление в историографии связывает её с политическими потребностями обществ ЮВА, хотя не всегда можно доказать сам переход к новым политическим формам (скажем, некоторые исследователи обосновывают тезис о том, что ранние политии были вождествами, а не государствами¹¹⁶). Начало первичной индианизации остаётся предметом споров: его относят то ко I–II, то к IV–V вв. Нет единства во мнении о соотношении индийских религиозных систем в индианизации: одни учёные склонны отдавать приоритет буддизму, другие вишнуизму, третьи – шиваизму (такова гипотеза П. Уитли¹¹⁷). По-видимому, нет сомнений, что дальнейшая судьба индийского влияния была крайне запутанной, и в различных обстоятельствах можно найти разные предпосылки и формы заимствований. Хотя большинство исследователей считают агентами индианизации местных жителей ЮВА, оценка роли индийцев варьирует от допущения их присутствия в регионе до открытого его отрицания. Причины выбора именно индийской культуры тоже пока не получили однозначного ответа. Предложенные факторы отказа от китайской общественно-политической модели, несмотря на их привлекательность, не могут считаться обоснованными.

Прежде чем завершить статью, хотелось бы наметить некоторые перспективы дальнейшего изучения проблемы индийского влияния в ЮВА. Во-первых, желательно строгое различение различных процессов, объединяемых под названием индианизации. Заимствование отдельных материальных предметов, таких как разные типы бусин и сосудов, не следует смешивать с заимствованием письменности – это два разных процесса, которые едва ли можно объяснить одними и теми же причинами. То же можно сказать о заимствовании языка и письменности: если в одних случаях санскрит применялся в эпиграфике, то в других сразу использовался местный язык (классический пример – древнемалайские надписи Шривиджайи, в которых встречаются отдельные санскритские слова, но нет собственно санскрита¹¹⁸). Нельзя смешивать заимствование языка¹¹⁹ с заимствованием социально-политических идей: нужно исследовать те отношения власти, которые были присущи обществам ЮВА, по местным источникам и выявлять те идеи, которые в этих источниках отражены, а не видеть в отдельном употреблении понятий «раджа» и «раджья» (царь и царство соответственно) знание древнеиндийских теорий управления. Лишь ссылки на конкретные трактаты, подобно встречающимся в надписях Чампы указаниям на свод «Законов Ману»¹²⁰, могут быть использованы в качестве доказательства знакомства с этим сводом – или с отдельными его положениями.

Отдельную проблему представляет изучение заимствований религиозных верований: буддизма, брахманизма и индуизма. Следует искать подтверждение религиозным переменам в обществах ЮВА опять-таки в

местных данных. Все разговоры о приоритете буддизма в распространении индийской культуры на Индонезийском архипелаге наталкиваются на отсутствие свидетельств о его появлении здесь вплоть до эпохи Шривиджайи: и ранние надписи Мулавармана на Калимантане, Пурнавармана на Западной Яве, и свидетельства археологии Суматры, Явы и острова Банка, и китайские свидетельства о «Яве» (Yeh-ro-ti) говорят о преобладании различных форм брахманизма и индуизма¹²¹. Буддизм появляется лишь в Шривиджайе и открытым остаётся вопрос о степени его влияния на местные верования, т.е. о его «шривиджайской» форме.

Было бы крайне полезно развести заимствование религиозных представлений и заимствование образов божеств, архитектурных и скульптурных стилей. Можно ли говорить, что Вишну в тиаре был Вишну индуизма или за его обликом существовали иные, местные божества? Было ли заимствование архитектурных моделей храмов следствием восприятия религиозных представлений? И как связаны между собой религиозные и социально-политические идеи? Будет ли обоснованно видеть между ними нерасторжимую связь или предпочтительнее вести речь о взаимодействии различных феноменов?

Наконец, нужно задуматься о причинах этих разных процессов. По-видимому, слишком легко осуществляется перенос причин заимствования социально-политических идей на остальные сферы общественной жизни. Если восприятие индийских идей было связано с санскритом, то мы должны ожидать его появления в каждом обществе – но это происходит крайне избирательно. В одном случае заимствуется огромный лексический пласт и санскрит делается языком надписей, как на Яве, в другом – отдельные слова, как в Шривиджайе VII в.¹²² Ещё сложнее вести речь о заимствовании общественно-политических идей. С.В. Кулланда полагает, что целью заимствования в яванском случае было создание нового политического словаря для выражения новых государственных отношений¹²³. Это наблюдение представляется убедительным (хотя автор этих строк сомневается в том, что возникающие политические отношения можно называть государственными), но было ли неизбежным при этом обращение к шиваизму, следы которого можно найти в первых надписях Центральной Явы? Почему был сделан выбор в пользу Шивы, а не Вишну или Будды? Из-за соперничества с буддийской Шривиджайей? Или из-за особенностей характера Шивы, его способности отвечать местным представлениям о верховной власти?

Думается, эти незначительные соображения помогут в дальнейшем изучении проблемы индианизации. Хотелось бы ещё добавить, что взаимодействие культур имело место не только в ЮВА, и потому необходим сравнительный анализ индианизации в её различных (намеченных выше) формах и сопоставимых процессов в других регионах. Например, распространение латыни в Римской империи и Европе после её круше-

ния, христианизация Европы с её неповторимыми особенностями, эллинизация Причерноморья и Великой Греции и эллинизация Востока, славянизация Восточной Европы, германизация осколков Римской империи. Понятно, что между всеми этими процессами есть много различий. Возможно, всё сходство между ними только в словообразовании. Но обращает на себя внимание то обстоятельство, что в любом из этих случаев необходимо было присутствие представителей культуры-источника заимствований: германские племена селились на территориях павшей Западной Римской империи, славяне – на Балканах, греки – в Причерноморье, Великой Греции и в эпоху эллинизма на Ближнем Востоке (вспомним греко-арамейскую надпись царя Ашоки¹²⁴), распространение латыни немыслимо без физического присутствия римлян... Это, по видимому, может служить доводом (по аналогии, которая не есть строгое доказательство) в пользу предположения, что индийцы всё же были одними из инициаторов индианизации (каких именно процессов, выделенных выше, покажут будущие исследования).

¹ В данной статье понятие Юго-Восточной Азии берётся только в географическом смысле.

² См.: *Majumdar R.C. Ancient Indian Colonies in the Far East. Vol. I. Champa. Lahore: Punjab Sanskrit Books Depot, 1927. Vol. II. Suvarnavipa. Part 1. Political History. Part 2. Cultural History. Dacca: Asutosh Press, 1937; Chatterji B.R. History of Indonesia: Early and Medieval. 3rd ed. Meerut: Meenakshi Prakashan, 1967 (1927); Nilakanta Sastri K.A. History of Śrī Vijaya (Sir William Meyer Lectures, 1946–1947). Madras: University of Madras, 1949; Перская И.Ю. Современная индийская историография древней и средневековой Индонезии // Юго-Восточная Азия: История, современность. Отв. ред. А.Н. Узянов, Ю.О. Левтонова. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы (далее – ГРВЛ), 1983. С. 256–269.*

³ *Тюрин В.А. К вопросу об истоках малайской культуры // Вестник истории мировой культуры. 1959. № 3. С. 84–84; Чебоксаров Н.Н. Первоначальное заселение и древнейшая этническая история // Народы Юго-Восточной Азии. Под ред. А.А. Губера, Ю.В. Маретина, Д.Д. Тумаркина, Н.Н. Чебоксарова. М.: Наука, 1966 (серия «Народы мира», далее – НЮВА). С. 60; Арутюнов С.А., Чеснов Я.В. Народы Камбоджи: Исторический очерк // НЮВА. С. 176; Стратанович Г.Г. Народы Бирманского Союза // НЮВА. С. 297; Журавлёва М.Г. Народы Малайи // НЮВА. С. 374; Седов Л.А. Ангкорская империя (социально-экономический и государственный строй Камбоджи в IX–XIV вв.). М.: Наука, ГРВЛ, 1967. С. 14–15; Можейко И.В. 5000 храмов на берегу Иравади. М.: Наука, ГРВЛ, 1967. С. 44; Козлова М.Г., Седов Л.А., Тюрин В.А. Типы раннеклассовых обществ Юго-Восточной Азии // Проблемы истории докапиталистических обществ. Кн. I. Отв. ред. Л.В. Данилова. М.: Наука, 1968. С. 522; Берзин Э.О. История Таиланда (краткий очерк). М.: Наука, ГРВЛ, 1973. С. 11–12, 14–15.*

⁴ *Coedès G.* Histoire ancienne des États hindouisés d'Extrême-Orient. Hanoi: Imprimerie d' Extrême-Orient, 1944; *Coedès G.* Les États hindouisés d'Indochine et d'Indonésie. P.: Editions de Boccard, 1948; *Coedès G.* Some Problems in the Ancient History of the Hinduized States of South-East Asia // Journal of Southeast Asian History. Vol. 5. № 2. September 1964. P. 1–14; *Coedès G.* The Indianized States of Southeast Asia / ed. by W.F. Vella, translated by S. Brown Cowing. Honolulu, Hawaii: East-West Center Press, 1968.

⁵ *Supomo S.* Indic Transformation: The Sanskritization of *Jawa* and the Javanization of the Bharata // The Austronesians: Historical and Comparative Perspectives / ed. by P.S. Bellwood, J.J. Fox, D.T. Tryon. Canberra: Anthropology, Research School of Pacific and Asian Studies, 1995. P. 309–332.

⁶ Классическое, хотя и далеко не бесспорное исследование воздействия колониализма на востоковедение: *Саид Э.В.* Ориентализм: Западные концепции Востока. Пер. с англ. А.В. Говорунова. СПб.: Русский мир, 2006.

⁷ Очень краткие обзоры индийской историографии см.: *Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф.* Индия в древности. М.: Наука–ГРВЛ, 1985. С. 20–24; *Вигасин А.А.* Историография истории древней Индии // Историография истории древнего Востока: Иран, Средняя Азия, Индия, Китай. Учеб. пособие. Под ред. В.И. Кузищина. СПб.: Алетейя, 2002. С. 116–122, 130–139.

⁸ См.: *Токарев С.А.* История зарубежной этнографии: Учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1978; *Эванс-Причард Э.* История антропологической мысли / Пер. с англ. Елфимова А.Л. М.: Восточная литература, 2003. 358с.

⁹ Историю историографии конца XIX–начала XX в. можно представить по следующим публикациям: *Вайнштейн О.Л.* Историография средних веков в связи с развитием исторической мысли от начала средних веков до наших дней. М.–Л.: Соцэкгиз, 1940; *Гутнова Е.В.* Историография истории средних веков. Учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «История». 2-е изд. М.: Высшая школа, 1985; *Историография античной истории* / под ред. В.И. Кузищина. М.: Высшая школа, 1980; *Историография истории нового времени стран Европы и Америки* / под ред. И.П. Дементьева. М.: Высшая школа, 1990; *Историческая наука в XX веке. Историография истории нового и новейшего времени стран Европы и Америки* / под ред. И.П. Дементьева и А.И. Патрушева. М.: Высшая школа, 2002; *История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года.* М.: Восточная литература, 1997; *Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю.* История исторического знания. М.: Дрофа, 2004; *Савельева И.М., Полетаев А.В.* Знание о прошлом: теория и история. В 2 тт. СПб., 2003–2006; *Шатино А.Л.* Русская историография с древнейших времен до 1917 года: учебное пособие. М.: Высшая школа, 1993.

¹⁰ См.: *Maspero G.* Histoire ancienne des peuples de l'Orient classique. Vol. I–III. P.: Hachette, 1895–1908; *Масперо Г.* Древняя история народов Востока / пер. с фр. М., 1911; *Захаров А.О.* «Древний Восток» в построениях Б.А. Тураева и В.В. Струве: теоретический анализ // Восток (Oriens). 2008. № 1. С. 11–24.

¹¹ *Coedès G.* Some Problems... P. 1–14.

- ¹² *van Leur J.C.* Indonesian Trade and Society: Essays in Asian Social and Economic History. The Hague: W. van Hoeve Publishers Ltd, 1955. P. 103.
- ¹³ *Legge J.D.* The Writing of Southeast Asian History // The Cambridge History of Southeast Asia. Vol. I. From Early Times to c. 1500 // ed. by N. Tarling. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 23–43.
- ¹⁴ *Krom N.J.* Hindoe-Javaansche Geschiedenis. 2nd ed. s'-Gravenhage: Martinus Nijhoff, 1931 (1st ed. – 1926).
- ¹⁵ *van Leur J.C.* Indonesian Trade and Society... P. 103, 107. В ранней историографии боролись три концепции: брахманов, кшатриев и вайшьев, блестяще раскритикованные Ф. Босом. См.: *Bosch F.D.K.* Selected Studies in Indonesian Archaeology. The Hague: Nijhoff, 1961 [1946]. P. 1–22.
- ¹⁶ *Mabbett I.W.* The “Indianization” of Southeast Asia: reflections on the historical sources // Journal of Southeast Asian Studies. Vol. 8. № 2. 1977 (далее – Mabbett 1977(2)). P. 156.
- ¹⁷ *Тюрин В.А.* К вопросу об истоках малайской культуры... С. 85; *Чебоксаров Н.Н.* Первоначальное заселение... С. 60; *Седов Л.А.* Ангкорская империя... С. 15; *Козлова М.Г., Седов Л.А., Тюрин В.А.* Типы раннеклассовых обществ Юго-Восточной Азии... С. 522.
- ¹⁸ *Стратанович Г.Г.* Народы Бирманского Союза... С. 297.
- ¹⁹ *Маретин Ю.В.* Народы Индонезии: Исторический очерк // НЮВА. С. 414.
- ²⁰ Здесь уместно напомнить, что согласно советской трактовке исторического материализма страны Азии в средние века принадлежали феодальной формации, а феодалом именовался представитель свойственного этой формации господствующего класса. Дискуссии велись о сущности феодальных отношений, о справедливости применения к странам Востока понятий рабовладения и феодализма, об азиатском способе производства. Определённое представление о дискуссии можно получить в книгах: *Sawer M.* Marxism and the Question of the Asiatic Mode of Production. The Hague: Martinus Nijhoff, 1977; *Dunn S.P.* The Fall and Rise of the Asiatic Mode of Production. L.: Routledge & Kegan Paul, 1982; *Foursov A.* Social Times, Social Spaces, and their Dilemmas: Ideology ‘In One Culture’ // Review. Fernand Braudel Center. Vol. XX. № 3/4. 1997. P. 345–420. Характерный образец официальной советской историографии: *Никуфоров В.Н.* Восток и всемирная история. Изд. 2-е. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1977.
- ²¹ *Mabbett I.W.* The «Indianization» of Southeast Asia: reflections on the prehistorical sources // Journal of Southeast Asian Studies. Vol. 8. № 1. 1977. P. 1–14; *Mabbett* 1977(2). P. 143–161.
- ²² Эти термины уже встречались у Ж. Сёдеса. См.: *Coedès G.* The Indianized States... P. 14f., 46f.
- ²³ *Smith M.* «Indianization» from the Indian Point of View: Trade and Cultural Contacts with Southeast Asia in the Early First Millennium C.E. // Journal of the Economic and Social History of the Orient. Vol. 42. № 1. 1999. P. 1–26.
- ²⁴ *Brown R.L.* The Dvaravati Wheels of Law and the Indianization of Southeast Asia. Leiden: Brill, 1996. P. 198; *Bellina B., Glover I.* The Archaeology of Early Contact with India and the Mediterranean World, from the Fourth Century BC to

the Fourth Century AD // Southeast Asia. From Prehistory to History. Ed. by I. Glover & P. Bellwood. L.–N.Y.: RoutledgeCurzon, Taylor & Francis Group, 2004. P. 68–88; *Miksic J.* Historical Dictionary of Southeast Asia (Historical Dictionaries of Ancient Civilizations and Historical Eras, № 18). Lanham, Maryland–Toronto–Plymouth, UK: The Scarecrow Press, 2007; *O'Reilly D.J.W.* Early Civilizations of Southeast Asia. Lanham–New York–Toronto–Plymouth, UK: Altamira Press, 2007; *Munoz P.M.* Early Kingdoms of the Indonesian Archipelago and the Malay Peninsula. Singapore: Editions Didier Millet, 2006.

²⁵ *Маретин Ю.В.* Индийские влияния и проблема самобытности индонезийской культуры (основные аспекты методологического подхода) // Малайско-Индонезийские исследования. Сб. ст. памяти академика А.А. Губера. Отв. ред. М.Н. Пак. Составитель Б.Б. Парникель. М.: Наука, ГРВЛ, 1977. С. 42–63.

²⁶ *Деоник Д.В.* Регион ЮВА с древнейших времён до XV в. // Юго-Восточная Азия в мировой истории. М.: Наука, ГРВЛ, 1977. С. 31.

²⁷ *Wolters O.W.* History, Culture, and Region in Southeast Asian Perspectives. Singapore: Institute of Southeast Asian Studies, 1982. P. 55.

²⁸ *Iyer A.* Prambanan: Sculpture and Dance in Ancient Java. A Study in Dance Iconography. Bangkok: White Lotus Press, 1998. P. 9; *Kulke H.* The Early and Imperial Kingdoms in Southeast Asian History // Southeast Asia in the 9th to 14th Centuries / ed. by D.G. Marr and A.C. Milner. Singapore: ISEAS and Australian National University, 1986, p. 2; *Kulke H.* Kings and Cults: State Formation and Legitimation in India and Southeast Asia. New Delhi: Manohar, 1993, p. 265; ср.: *Reynolds C.* A New Look at Old Southeast Asia // *Journal of Asian Studies*. Vol. 54. № 2. May 1995. P. 432–433.

²⁹ *Hall K.* Maritime Trade and State Development in Early Southeast Asia. Honolulu: University of Hawaii Press, 1985. P. 44.

³⁰ Отнюдь не все исследователи видят в Фунани «государство». См.: *Wolters O.W.* History... 1982; *Wolters O.W.* Restudying Some Chinese Writings on Sriwijaya // Indonesia. Deel 42. 1986. P. 15; *Jacques C.* «Funan», «Zhenla»: The Reality Concealed by These Chinese Views on Indonesia // Early South East Asia. Essays in Archaeology, History and Historical Geography / ed. by R.B. Smith & W. Watson. New York–Kuala Lumpur: Oxford University Press, 1979. P. 371–379; *Vickery M.* Society, Economics, and Politics in Pre-Angkor Cambodia: The 7th–8th Centuries. Tokyo: Centre for East Asian Cultural Studies for UNESCO, 1998; *Vickery M.* Funan Reviewed: Deconstructing the Ancients // Bulletin de l'Ecole française d'Extrême-Orient. T. 90. № 1. 2003. P. 101–143; *O'Reilly D.J.W.* Early Civilizations... В коллективной монографии «Искусство и археология Фунани» представлены разные взгляды на эту политику. См.: *Art & Archaeology of Fu Nan, Pre-Khmer Kingdom of the Lower Mekong Valley* / Ed. by James C.M. Khoo. Bangkok: Orchid Press, 2003.

³¹ *Hall K.* Maritime Trade... P. 70.

³² Ibid. P. 69–71.

³³ Ibid. P. 70.

³⁴ Ibid. P. 47.

³⁵ Ibid. P. 48; *Pelliot P.* Le Fou-nan // Bulletin de l'École française d'Extrême-Orient. 1903. Т. 3. № 1. P. 254.

³⁶ Текст из Во-кани может датироваться и II в., хотя Ш. Поллок помещает его в V столетие. См.: *Vickery M.* Champa Revised // Asia Research Institute Working Paper Series. № 37. March 2005. www.ari.nus.edu.sg/pub/wps.htm P. 7; *Pollock S.* The Sanskrit Cosmopolis, 700–1300: Transculturation, Vernacularization, and the Question of Ideology // Ideology and Status of Sanskrit / ed. by Jan E.M. Houben. Leiden: Brill: 1996. P. 197–247.

³⁷ *Filliozat J.* L'Inscription dite "de Vo-canh" // Bulletin de l'École Française d'Extrême-Orient. Т. 55. 1969. P. 107–116; *Jacques Cl.* Notes sur la stèle de «Vò-Canh» // Bulletin de l'École Française d'Extrême-Orient. Т. 55. 1969. P. 117–124; *Coedès G.* La plus ancienne inscription en langue chame // Eastern and Indian Studies in honour of F.W. Thomas, C.I.E. Bombay: New Indian Antiquary Extra Series I, No. 48. 1939. P. 39–52; *Vogel J.Ph.* The Yūpa Inscriptions of king Mūlavarman, from Koetei (East Borneo) // BKL. 1918. P. 167–232; *Chhabra B.Ch.* Expansion of Indo-Aryan Culture During the Pāllava Rule (as evidenced by inscriptions). Delhi: Munshi Ram Manohar Lal, 1965; *Захаров А.О.* Политическая организация островных обществ Юго-Восточной Азии в раннем средневековье (V–VIII вв.): конструктивистский вариант. М.: Восточный университет, 2006. В защиту К. Холла можно сказать, что ни одна из этих надписей не относится к Фунани (освящённая авторитетом Ж. Сёдеса интерпретация текста из Во-кань как упоминающая правителя Фань Шиманя в настоящее время считается ошибочной). Теория К. Холла может объяснить появление индийской письменности, санскрита и титулатуры в других полиниях исходя из общего принципа разнородности причин индианизации в конкретных случаях. Тем показательнее, что американский историк не рассматривает случай Калимантана, ошибочно помещая надписи на юго-запад острова вместо юго-востока. Проблемы ранней истории Чампы, к которой относятся надписи Во-кань и Донг Йен Чау, он тоже оставляет без внимания. См.: *Hall K.* Maritime Trade... P. 40, 105, 178–179.

³⁸ *Bellina B., Glover I.* The Archaeology...

³⁹ *Smith M.* "Indianization"...

⁴⁰ *Koselleck R.* Vergangene Zukunft: Zur Semantik geschichtlicher Zeiten. Frankfurt-am-Mein: Suhrkamp Verlag, 1979; *Geschichtliche Grundbegriffe: Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland: Herausgegeben von Werner Conze, Otto Brunner, Reinhart Koselleck.* 8 Bde. Stuttgart, 2004 [1972–1997] (Sonderausgabe); *Koselleck R.* The Practice of Conceptual History: Timing, History, Spacing Concepts. Stanford: Stanford University Press, 2002 (Cultural Memory in the Present). 384 p.

⁴¹ *Гурц К.* Интерпретация культур: Пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2004 [1973].

⁴² О. Уолтерс предложил изучать Шривиджайю в «семиологическом духе» и прочесть её как текст. См.: *Wolters O.W.* Studying Śrīvijaya // Journal of the Malaysian Branch of the Royal Asiatic Society. Vol. 52. 1979. Pt. 2. P. 15. О влиянии позитивистской методологии Т. Моммзена и Дж. Бьюри и герменевтики Р.Дж. Коллингвуда на Уолтерса, а также о возможных структуралистских особенностях его методологии см.: *Reynolds C.J.* The Professional Lives of O.W. Wolters

// *Wolters O.W.* Early Southeast Asia: Selected Essays. Ed. by C.J. Reynolds. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, Southeast Asia Program Publications, 2008 (Studies on Southeast Asia No. 43). P. 25, 32–38; *Legge J.D.* Clio and Her Neighbours: Reflections on History's Relations with the Surrounding Disciplines // *Dari Babad Dan Hikayat Sampai Sejarah Kritis Kumpulan karangan dipersembahkan kepada Prof. Dr. Sartono Kartodirdjo.* Ed. by T. Ibrahim Alfian et Al. Yogyakarta: Gadjah Mada University Press, 1987. P. 331–350 (с содержанием этой работы я знаком по её изложению в вышеназванной статье К. Рэйнолдса. – А.З.).

⁴³ *Wolters O.W.* History, Culture, and Region...

⁴⁴ *Kulke H.* The Early and Imperial Kingdoms...; *Kulke H.* Max Weber's Contribution to the Study of «Hinduization» in India and «Indianization» in Southeast Asia // *Recent Research on Max Weber's Study of Hinduism and Buddhism.* Ausg. von D. Kantowsky. München: Weltforum-Verlag, 1986. S. 97–116; *Kulke H.* Kings and cults...; *Бандиленко Г.Г.* Культура и идеология средневековых государств Явы. Очерк истории VIII–XV вв. М.: Наука, ГРВЛ, 1984; *Кулланда С.В.* К восприятию индийской культуры в Индонезии // *Древний Восток: этнокультурные связи.* Отв. ред. Г.М. Бонгард-Левин, В.Г. Ардзинба. М.: Наука, ГРВЛ, 1988. С. 333–339; *Кулланда С.В.* История древней Явы. М.: Наука–Восточная литература, 1992. С. 124–127. Понятие потестарной стадии развития было введено Л.Е. Куббелем для обозначения эпохи перехода от первобытного к государственному строю, когда возникают властно-управленческие институты (от латинского слова *potestas* – власть), и получило определённое признание в 1980–1990-х гг.

⁴⁵ *Kulke H.* Max Weber's Contribution...

⁴⁶ *Kulke H.* Indian Colonies, Indianization or Cultural Convergence? Reflections on the Changing Image of India's Role in Southeast Asia // *Onderzoek in Zuidoost-Azie: agenda's voor de jaren negentig / ed. by H. Schulte Nordhold.* Leiden: Vakgroep Talen en Culturen van Zuidoost-Azie, 1990. Blz. 28.

⁴⁷ *Бандиленко Г.Г.* Культура и идеология... С. 38, 40.

⁴⁸ *Glover I.C.* Ban Don Ta Phet and its Relevance to Problems in the Pre- and Protohistory of Thailand // *Bulletin of the Indo-Pacific Prehistory Association.* 1980. № 2. P. 16–30; *Glover I.C.* Early Trade between India and Southeast Asia: A Link to Development of a World Trading System. Hull: University of Hull, Centre for Southeast Asian Studies, 1989 (Occasional Paper № 16); *Glover I.C.* Ban Don Ta Phet: the 1984–1985 Excavation // *Southeast Asian Archaeology 1986: Proceedings of the 1st conference of the Association of Southeast Asian Archaeologists in Western Europe,* Institute of Archaeology, University College London, 8th–10th September 1986. Ed. by I.C. Glover & E. Glover. Oxford: B.A.R., 1990 (BAR International Series 561). P. 139–184; *Glover I.C.* Early Metallurgy, Trade and Urban Centres in Thailand and Southeast Asia. Bangkok: White Lotus, 1992; *Glover I.C.* The Southern Silk Road: Archaeological Evidence for Early Trade between India and Southeast Asia // *Ancient Trades and Cultural Contacts in Southeast Asia.* Ed. by A. Srisuchat. Bangkok: The Office of the National Cultural Commission, 1996. P. 57–94.

- ⁴⁹ *Glover I.C.* Ban Don Ta Phet: the 1984–1985 Excavation...; *Glover I.C.* The Southern Silk Road...
- ⁵⁰ *Glover I.C.* Early Trade...; *Glover I.C.* The Southern Silk Road...
- ⁵¹ *Ray H.P.* The Winds of Change: Buddhism and the Maritime Links of Early South Asia. New Delhi: Oxford University Press, 1994.
- ⁵² *Ibid.* P. 87–120. Археологический материал по материковой ЮВА см. также: Higham Ch. The Archaeology of Mainland Southeast Asia. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.
- ⁵³ *Ray H.P.* The Winds of Change... P. 161.
- ⁵⁴ *Ibid.* P. 136. Доверие к сообщению буддийских источников об отправке буддийских проповедников Соны и Уттары жившим в III в. до н.э. царём Ашокой в «Золотую Землю» (*Suvarṇabhūmi*) высказывал ещё основоположник изучения культуры ЮВА Р. Ле Мэй. См.: *Le May R.* The Culture of South-East Asia: The Heritage of India. L.: George Allen & Unwin, 1954. P. 42.
- ⁵⁵ *Brown R.L.* The Dvaravati Wheels of Law...
- ⁵⁶ *Ibid.* P. 185, 191.
- ⁵⁷ *Ibid.* P. 187.
- ⁵⁸ *Ibid.* P. 194.
- ⁵⁹ *Ibid.* P. 195.
- ⁶⁰ Имеющиеся свидетельства об использовании понятий варны в средневековых обществах ЮВА не дают оснований для заключения о наличии варновой системы. См.: *Седов Л.А.* К вопросу о варнах в Ангорской Камбодже (IX–XII вв.) // *Касты в Индии: сб. ст. Отв. ред. Г.Г. Котовский.* М.: Наука, ГРВЛ, 1965. С. 178–184; *Маретина С.А.* Трансформация индийских варн на острове Бали // Там же. С. 185–198.
- ⁶¹ Впрочем, яванцы приняли и индуистские верования. См.: *Бимбаева А.В.* Доиндуистские верования на древней Яве // *Малайско-индонезийские исследования = Malay and Indonesian Studies.* Вып. XVI. М.: Нусантара – Гуманитарий, 2004. С. 46–67.
- ⁶² *Mabbett I.W.* The “Indianization” of Southeast Asia: A Reappraisal // *Living a Life in Accordance with Dhamma: Papers in Honor of Professor Jean Boisselier on his Eightieth Birthday / ed. by N. Eilenberg, S.M.C. Discul & R. Brown.* Bangkok: Silpakorn University Press, 1997 (далее – Mabbett 1997). P. 343.
- ⁶³ *Carneiro R.* A Theory of the Origin of the State // *Science.* Vol. 169. 1970. P. 733–738; *Карнейро Р.* Теория происхождения государства // *Раннее государство, его альтернативы и аналоги.* Под ред. Л.Е. Гринина, Д.М. Бондаренко, Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева. Волгоград: Учитель, 2006. С. 55–70.
- ⁶⁴ *Mabbett* 1997. P. 347.
- ⁶⁵ *Bronson B.* Exchange at the Upstream and Downstream Ends: Notes Toward a Functional Model of the Coastal State in Southeast Asia // *Economic Exchange and Social Interaction in Southeast Asia: Perspectives from Prehistory, History, and Ethnography / ed. by K.L. Hutterer.* Ann Arbor: University of Michigan, Center for South and Southeast Asian Studies, 1977. P. 39–52; *Захаров А.О.* Политическая организация... С. 73–75.
- ⁶⁶ *Mabbett* 1997. P. 350.

⁶⁷ Ibid.

⁶⁸ Ниже мы увидим некоторые возможные ответы на этот вопрос, предложенные М. Смит и П.-М. Мюно.

⁶⁹ *Vickery M. Society, Economics, and Politics...*

⁷⁰ *Vickery M. Society, Economics, and Politics...* P. 56. Идея заимствования с восточного побережья Индии восходит к Ж. Сёдесу и пользуется большой популярностью. См.: *Ray H.B. In Search of Suvarnabhumi: Early Sailing Networks in the Bay of Bengal // Indo-Pacific Prehistory 1990 / ed. by Peter Bellwood. Vol. 1. Canberra: Indo-Pacific Prehistory Association, 1991. P. 357–365; Stargardt J. The Ancient Pyu of Burma. Cambridge: PACSEA, 1990. А. Кристи, напротив, придерживается иной точки зрения, согласно которой основным источником служила западная Индия. См.: Christie A. The Provenance and Chronology of Early Indian Cultural Influences in South East Asia // R.C. Majumdar Felicitation Volume / Ed. by H.V. Sarkar. Calcutta: K.L. Mukhopadhyay, 1970. P. 1–14. Согласно П. Беллвуду, в V в. заимствования шли из Южной Индии, а в VII в. – из Бенгалии и Северной Индии. См.: Bellwood P. Prehistory of the Indo-Malaysian Archipelago. 2nd Revised Edition. Honolulu: University of Hawaii's Press, 1997.*

⁷¹ *Vickery M. Society, Economics, and Politics...* P. 54.

⁷² *Dalsheimer N., Manguin P.-Y. Visnu mitrés et réseaux marchands en Asie du Sud-Est: nouvelles données archéologiques sur le Ier millénaire apr. J.-C. // Bulletin de l'École française d'Extrême-Orient. Vol. 85. № 1. 1998. P. 87–123.*

⁷³ Ibid. P. 104–105.

⁷⁴ Ibid. P. 107; *Manguin P.-Y. City-States and City-State Cultures in pre-15th-Century Southeast Asia // A Comparative Study of Thirty City-State Cultures. An Investigation Conducted by the Copenhagen Polis Centre / ed. by M.H. Hansen. Copenhagen: C.A. Reitzels Forlag, 2000. P. 409–416; Manguin P.-Y. The Amorphous Nature of Coastal Polities in Insular Southeast Asia: Restricted Centres, Extended Peripheries // Moussons. Vol. 5. 2002. P. 73–99; ср.: Zakharov A.O. The City-State Theory and Sriwijaya. In press.*

⁷⁵ *Dalsheimer N., Manguin P.-Y. Visnu mitrés...* P. 109; *Маретин Ю.В. Народы Индонезии...* С. 414; *Маретин Ю.В. Индийские влияния...* С. 56; ср.: *Деоник Д.В. Распространение буддизма в Юго-Восточной Азии // История Востока. Т. II. Восток в средние века. Отв. ред. Л.Б. Алаев, К.З. Ашрафян. М.: Восточная литература, 1995. С. 93–96.*

⁷⁶ *Dalsheimer N., Manguin P.-Y. Visnu mitrés...* P. 108; *Coedès G. Etudes cambodgiennes. XXV, Deux inscriptions sanskrites du Fou-nan. XXVI, La date de Kôh Ker. XXVII, La date du Bâphûon // Bulletin de l'École française d'Extrême-Orient. Vol. 31. № 1. 1931. P. 1–23.*

⁷⁷ *Захаров А.О. Политическая организация...* С. 31.

⁷⁸ См.: *Tingley N. Arts of Ancient Viet Nam: From River Plain to Open Sea. With essays by Andreas Reinecke, Pierre-Yves Manguin, Kerry Nguyen-Long, & Nguyen Dinh Chien. Houston: Asia Society – The Museum of Fine Arts, 2009; Art & Archaeology of Fu Nan...*

⁷⁹ *Smith M. «Indianization»...*

⁸⁰ *Manguin P.-Y.* Southeast Asian Shipping in the Indian Ocean during the First Millennium A.D. // *Tradition and Archaeology: Early Maritime Contacts in the Indian Ocean*. Ed. by H.P. Ray & J.-F. Salles. New Delhi: Manohar, 1996. P. 181–198.

⁸¹ *Smith M.* «Indianization»... P. 6.

⁸² Хорошую подборку можно найти в монографии: *Ray H.P.* The Winds of Change... P. 21–47. В созданном в первых веках н.э. буддийском памятнике «Вопросы Милинды» морская тематика используется для описания нужных аскету качеств и упоминается возможность плаваний в Китай, Александрию Египетскую и Золотую Землю (*Suvaṇṇabhūmi*, название Индокитайского полуострова). См.: *Вопросы Милинды (Милиндапаньха)*. Пер. с пали, предисловие, исследование и комментарий А.В. Парибка. М.: Наука–ГРВЛ, 1989 (*Bibliotheca Buddhica XXXVI*; Памятники Письменности Востока LXXXVIII). С. 326, 339–343. «Артхашастра» включает целый раздел, посвященный контролю над судоходством, по большей части речным, но присутствует и мореходство (II, 28).

⁸³ *Smith M.* «Indianization»... P. 4–5.

⁸⁴ *Ibid.* P. 7.

⁸⁵ *Ibid.* P. 7. Общий объем известной керамики можно представить по добротной, но далеко не полной коллективной монографии: *Earthenware in Southeast Asia: Proceedings of the Singapore Symposium on Premodern Southeast Asian Earthenwares* / ed. by J.N. Miksic. Singapore: Singapore University Press, 2003)

⁸⁶ *Manguin P.-Y., Indrajaya A.* The Archaeology of Batujaya (West Java, Indonesia): An Interim Report // *Uncovering Southeast Asia's Past: Selected Papers from the 10th International Conference of the European Association of Southeast Asian Archaeologists, The British Museum, 14th – 17th September 2004* / ed. by Elisabeth A. Bacus, Ian C. Glover & Vincent C. Pigott. Singapore: National University of Singapore Press, 2006. P. 255–256, fig. 23.12.

⁸⁷ *Smith M.* «Indianization»... P. 7–8.

⁸⁸ *Ibid.* P. 8–9.

⁸⁹ *Ibid.* P. 9.

⁹⁰ *Ibid.* P. 10–11. По существу, М. Смит формулирует одну из ключевых проблем источниковедения. Как свидетельства контактов отражают процессы заимствования социального опыта? (Этой формулировкой я обязан Марку Юрьевичу Ульянову, за что приношу ему глубокую благодарность. – А.З.) Ответить на этот вопрос, к сожалению, в рамках статьи о теориях индианизации невозможно. Единственное, что не подлежит сомнению: между свидетельствами контактов и заимствованием опыта прямой связи быть не может.

⁹¹ *Smith M.* «Indianization»... P. 11.

⁹² *Ibid.* P. 12–14.

⁹³ *Ibid.* P. 15.

⁹⁴ *Бандиленко Г.Г.* Культура и идеология... С. 38.

⁹⁵ *Smith M.* «Indianization»... P. 17.

⁹⁶ *Ibid.* P. 18.

⁹⁷ Вигасин А.А., Самозванцев А.М. «Артхашастра» (проблемы социальной структуры и права). М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1984; Вигасин А.А. Южная Азия // Источниковедение истории Древнего Востока. Под ред. В.И. Кузицина. М.: Высшая школа, 1984. С. 285–286. Хотелось бы подчеркнуть, что эти трактаты свидетельствуют прежде всего о внимании к политическим, религиозным и нравственным вопросам, о традиции их толкования. Их не следует воспринимать как отражение реальной практики самой Индии, если нет других источников, подтверждающих их практическое применение. Тем более несостоятельными будут попытки поместить их в контекст ЮВА – лишь в случае явных свидетельств знакомства с ними, имеющих, например, в надписях Чампы, можно говорить об усвоении отдельных их идей. См.: Schweyer A.-V. La royauté au Campā d’après les inscriptions // Les apparences du monde. Royautés hindoues et bouddhiques de l’Asie du Sud et du Sud-Est. Études réunies par Bénédicte Brac de La Perrière et Marie-Louise Reiniche. Paris : École Française d’Extrême-Orient, 2006 (Études thématiques 15). P. 119–183.

⁹⁸ Lankton J. A Bead Timeline. Vol. I: Prehistory to 1200 CE. Washington: Bead Society of Washington, 2003. P. 61, 69.

⁹⁹ Ishizawa Y. Reconsideration of Indianization and Chinization in the History of Mainland Southeast Asia // Renaissance culturelle du Cambodge. Vol. 20. 2003. № 12 (Tokyo: Sophia Asia Centre for Research and Human Development). P. 221–228.

¹⁰⁰ Ibid. P. 226.

¹⁰¹ Ibid. P. 227.

¹⁰² Ibid.

¹⁰³ Ibid. P. 228; ср.: Деоник Д.В. Вьетнам: история, традиции, современность. М.: Восточная литература, 2002.

¹⁰⁴ Bellina B., Glover I. The Archaeology... P. 72–83.

¹⁰⁵ Ibid. P. 80–81.

¹⁰⁶ Bellina B. Les réseaux d’échanges entre le sous-continent indien et l’Asie du Sud-Est à travers le matériel archéologique des perles en corneline et des sceaux du marchands en pierre dure (Vie siècle après J.C.). P. : Sorbonne-Nouvelle-Paris III, 2001; Bellina B. Beads, Social Change and Interaction between India and Southeast Asia // Antiquity. Vol. 77. 2003. P. 286–297.

¹⁰⁷ Bellina B., Glover I. Alkaline Etched Beads East of India in the Late Prehistoric and Early Historic Periods // Bulletin de l’École française d’Extrême-Orient. T. 88. № 1. 2001. P. 191–215.

¹⁰⁸ Munoz P.-M. Early Kingdoms... P. 59. Здесь необходимо напомнить, что Мюно писал историю Индонезийского архипелага и Малаккского полуострова. – А.З.

¹⁰⁹ По-видимому, исключением был Вьетнам, оказавшийся слишком близко от централизованного в эпоху Чжаньго и превратившегося в 221 г. в империю Цинь Китая. По крайней мере, уже в IV–III вв. до н.э. китайцы говорили о пяти местных политиях: Ванланге (Аулаке), Тэйау, Намвьете, Дайвьете и Донгвьете. См.: Мосяков Д.В., Тюрин В.А. История Юго-Восточной Азии. М.:

Восточный университет, 2004. С. 10; ср.: *Деотик Д.В.* Вьетнам... См. также: *Полное собрание исторических записок Дайвьета* (Дайвьет шы ки тоан тхы): в 8 т. Т. 1. Пер. с ханвьета К.Ю. Леонова и А.В. Никитина при участии В.И. Антощенко, М.Ю. Ульянова, А.Л. Федорина. М.: Восточная литература, 2002 (Памятники письменности Востока, СХХХ, 1). С. 195–196, прим. 36.

¹¹⁰ *Захаров А.О.* Политическая организация... Р. 87–88.

¹¹¹ *Miksic J.* Historical Dictionary... Р. XLVII–XLVIII.

¹¹² *Ibid.* Р. 145.

¹¹³ *Ibid.* Р. 146–147.

¹¹⁴ Литература о Китае безбрежна. Его борьбу за влияние на страны АСЕАН подробно исследует Д.В. Мосяков. См., например: *Мосяков Д.В., Тюрин В.А.* История Юго-Восточной Азии...; *Мосяков Д.В.* Процессы региональной консолидации в Восточной и Юго-Восточной Азии и японо-китайские отношения // Юго-Восточная Азия в 2001 г. Актуальные проблемы развития. М.: Институт востоковедения РАН, 2002. С. 49–58; *Мосяков Д.В.* ЮВА в политике Китая на современном этапе // Юго-Восточная Азия. Материалы выступлений международного конгресса востоковедов. Москва, 16–21 августа 2004. М.: Институт востоковедения РАН, 2005. С. 130–136; *Мосяков Д.В.* США – Китай: обострение противоречий в Юго-Восточной Азии // Азия и Африка сегодня. 2007. № 7. С. 30–33; *Мосяков Д.В.* ЮВА и американо-китайское соперничество // Юго-Восточная Азия в 2006 г. Актуальные проблемы развития. Отв. ред. Н.П. Малетин и Д.В. Мосяков. М.: Институт востоковедения, 2007. С. 78–97; *Мосяков Д.В.* ЮВА в поисках консолидации и внешнеполитического равновесия // Азия и Африка сегодня. 2008. № 8. С. 33–36.

¹¹⁵ См.: *Мосяков Д.В.* Юго-Восточная Азия: проблема формирования цивилизационной общности // Восток (Oriens). 2008. № 2. С. 5–10.

¹¹⁶ См.: *O'Reilly D.J.W.* Early Civilizations...; *Захаров А.О.* Политическая организация... Следует подчеркнуть, что общества позднего бронзового – раннего железного века в ЮВА, существовавшие в I тыс. до н.э. – начале н.э., большинством исследователей считаются вождествами (См.: *Higham Ch.* Early Cultures of Mainland Southeast Asia. Bangkok: River books, 2002), поэтому, если гипотезы О'Рейли и Захарова верны (а они нуждаются в дополнительной проверке), то говорить о структурном развитии в социумах ЮВА I тыс. н.э. (до IX в., когда начинается история Ангкорской империи, а на Яве возникает развитое делопроизводство) сравнительно с предшествующей эпохой не удастся. См.: *Vickery M.* Society, Economy, and Politics...; *Кулланда С.В.* История древней Явы...; *Седов Л.А.* Ангкорская империя...

¹¹⁷ *Wheatley P.* Nāgara and Commandery: Origins of the Southeast Asian Urban Traditions. Chicago: University of Chicago, Department of Geography, 1983 (Research Paper Nos. 207–208).

¹¹⁸ *Кулланда С.В.* Надпись Кота Капур (608 г. эры шака – 686 г. н.э.) // Дорффеева Т.В. История письменного малайского языка (VII – начала XX веков). М.: Гуманитарий, 2001. С. 250–256; *De Casparis J.G.* Selected Inscriptions from the 7th to the 9th Century A.D. Vol. II. Bandung: Masa Baru, 1956. P. 1–46; *Coedès G.* Les inscriptions malaises de Çrīvijaya // Bulletin de l'École Française d'Extreme

Orient. T. 30. 1930. P. 29–80; *Coedès G., & L.-Ch. Damais*. Sriwijaya: History, Religion & Language of an Early Malay Polity. Kuala Lumpur: Malaysian Branch of the Royal Asiatic Society, 1992; *Boechari*. An Old Malay Inscription at Palas Pasemah (South Lampong) // Pra Seminar Penelitian Sriwijaya (Jakarta 1978). Jakarta: Puslit Arkenas, 1979. P. 19–40; *Boechari*. New Investigations on the Kedu-kan Bukit Inscription // Untuk Bapak Guru. Persembahan para murid untuk memperingati Usia Genap 80 Tahun Prof. Dr. A.J. Bernet Kempers. Jakarta: Puslit Arkenas, 1986. P. 33–34; <http://history.melayuonline.com/>

¹¹⁹ В изучении санскритизации неоценимый труд: *Pollock Sh.* The Language of the Gods in the World of Men: Sanskrit, Culture and Power in Premodern India. Berkeley, Los Angeles–London, 2006.

¹²⁰ *Schweyer A.-V.* La royauté au Campā d’après les inscriptions... P. 122–129.

¹²¹ Материалы см.: *Захаров А.О.* Политическая организация островных обществ Юго-Восточной Азии в раннем средневековье (V–VIII вв.): конструктивистский вариант. М.: Восточный университет, 2006; *Manguin P.-Y.* The Archaeology of the Early Maritime Polities of Southeast Asia // Southeast Asia: From Prehistory to History. Ed. by P. Bellwood, & I.C. Glover. L.: Routledge / Curzon, 2004. P. 282–313.

¹²² См. классическую монографию Я. Гонды: *Gonda J.* Sanskrit in Indonesia. New Delhi: International Academy of Indian Culture and Aditya Prakashan, 1998 [1952].

¹²³ *Кулланда С.В. К восприятию индийской культуры в Индонезии...* С. С. 333–339.

¹²⁴ *Schlumberger D., Robert L., Dupont-Sommer A., Benveniste E.* Une bilingue gréco-araméenne d’Aśoka // Journal Asiatique. T. 246. 1958. P. 1–48; *Вигасин А.А.* Древняя Индия: от источника к истории. М.: Восточная литература, 2007. С. 30.